

Юрий Левитанский «Время, бесстрашный художник...»

Пред вами жизнь моя - прочтите жизнь мою.

Ее, как рукопись, на суд вам отдаю,
как достоверный исторический роман,
где есть местами романтический туман,
но неизменно пробивает себе путь
реалистическая соль его и суть.

Прочтите жизнь мою, прочтите жизнь мою.

Я вам ее на суд смиренно отдаю.

Я все вложил в нее, что знал и что имел.

Я так писал ее, как мог и как умел.

И стоит вам, хотя б затем ее прочесть,
чтоб все грехи мои и промахи учесть,
чтоб всех оплошностей моих не повторять,
на повторенье уже время не терять, -
мне так хотелось бы, чтоб повесть ваших дней
моей была бы и правдивей, и верней!

ГОДЫ

Годы двадцатые и тридцатые,
словно кольца пружины сжатые,
словно годичные кольца,
тихо теперь покоятся
где-то во мне,
в глубине.

Строгие годы сороковые,
годы,
воистину
роковые,
сороковые,
мною не забытые,
словно гвозди, в меня забитые,
тихо сегодня живут во мне,
в глубине.

Пятидесятые,
шестидесятые,
словно высоты, недавно взятые,
еще остывшие не вполне,
тихо сегодня живут во мне,
в глубине.

Семидесятые годы идущие,

годы прошедшие,
годы грядущие
больше покуда еще вовне,
но есть уже и во мне.

Дальше — словно в тумане судно,
восьмидесятые —
даль в снегу,
и девяностые —
хоть и смутно,
а все же представить еще могу,
Но годы двухтысячные
и далее —
не различимые мною дали —
произношу,
как названья планет,
где никого пока еще нет
и где со временем кто-то будет,
хотя меня уже там не будет.
Их мой век уже не захватывает —
произношу их, едва дыша —
год две тысячи —
сердце падает
и замирает душа.
1976

Падают листья осеннего сада,
в землю ложится зерно,
что преходяще, а что остается,
знать никому не дано.

Белый мазок на холсте безымянном,
вяза старинной строка.

Что остается, а что преходяще -
тайна сия велика.

Пламя погаснет и высохнет русло,
наземь падут деревья...

Эта простая и мудрая тайна
вечно пребудет, жива...

Так отчего так победно и громко
где-то над талой водой -
все остается! все остается! -
голос поет молодой?

И отчего так легко и звеняще
в гуще сплетенных ветвей -
непреходяще! непреходяще! -
юный твердит соловей?

* * *

А что же будет дальше, что же дальше?
Уже за той чертой, за тем порогом?
А дальше будет фабула иная
и новым завершится эпилогом.

И, не чураясь фабулы вчерашней,
пока другая наново творится,
неповторимость этого мгновенья
в каком-то новом лике отразится.

И станет совершенно очевидным,
пока торится новая дорога,
что в эпилоге были зерна
и нового начала и пролога.

Снегом Времени вас заносит - все больше
белеем.

Многих и вовсе в этом снегу погребли.
Один за другим приближаясь к своим юбилеям,
белые, словно парусные корабли.

И не трубы, не марши, не речи, не почести
пышные,
и не флаги расцвечиванья, не фейерверки
вослед.

Пятидесяти пушек залпы неслышные.

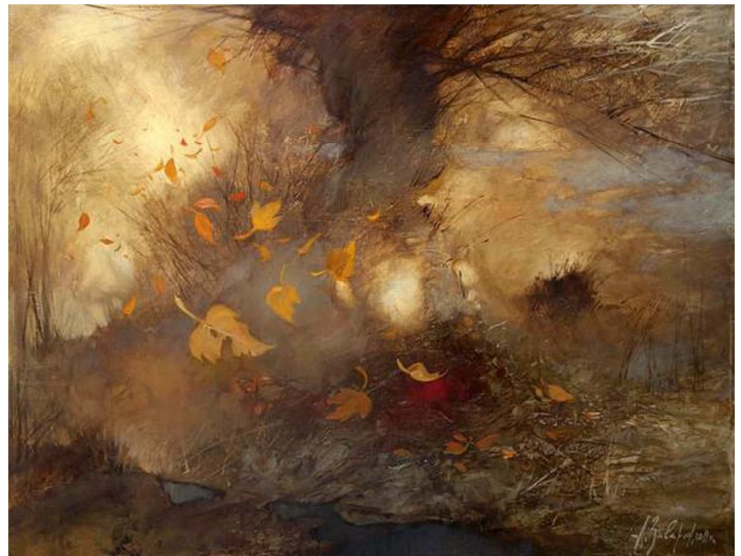
Пятидесяти невидимых молний свет.

И три, навсегда растянувшиеся минуты молчания.

И вечным прощением пахнущая трава.

...Море терпения. Берег Забвения. Бухта
Отчаяния.

Последней Надежды туманные острова.

И снова будет дождь бродить по саду,
и будет пахнуть сад светло и важно.

А будет это с нами иль не с нами -
по существу, не так уж это важно.

И кто-то вскрикнет: - Нет, не уезжайте!

Я пропаду, пушусь за Вами следом!..

А будет это с нами иль с другими -
в конечном счете, суть уже не в этом.

И кто-то от обиды задохнется,

и кто-то от восторга онемееет...

А будет это с нами или с кем-то -

в конце концов, значенья не имеет.

И снова подводные рифы и скалы опасные.

И снова к глазам подступает белая мгла.

Ну что ж, ваше дело... Плывите, парусники!

Может, Земля и вправду еще кругла.

И снова вас треплет качка осатанелая,

и оста, и веста безумная прыть.

...В белом снегу, как в белом тумане, флотилия
белая -

неведомо сколько кому остается плыть.

Белые хлопья выются над вами, чайки
летают.

След за кормою, тоненькая полоса.

В белом снегу, как в белом тумане,
медленно тают

попутного ветра не ждущие паруса.

Горящими листьями пахнет в саду,
прощайте,
я больше сюда не приду.
Дымится бумага,
чернеют листы.
Сжигаю мосты.

Чернеют листы,
тяжелеет рука.
Бикфордовым шнуром
дымится строка.
Последние листья,
деревья пусты.
Сжигаю мосты.

Прощайте,
прощальный свершаю обряд.
Осенние листья,
как порох, горят.
И капли на стеклах,
как слезы, чисты.
Сжигаю мосты.

Я больше уже не приду в этот сад.
Иду, чтоб уже не вернуться назад.
До ранней,
зеленой,
последней звезды
сжигаю мосты.

ВОСПОМИНАНЬЕ О СКРИПКЕ

Откуда-то из детства
бумажным корабликом,
запахом хвойной ветки,
рядом со словом полька
или фольга,
вдруг выплывает
странное это слово,
шершавое и смолистое -
канифоль.
Бумажный кораблик,
елочная игрушка
скрипочка,

Все сущее мечено временем.
А вот замечается вновь,
что время рифмуется с бременем,
с любовью соседствует кровь.
Старинные связи не сломлены
и медленно сходят на нет —
так прочно они обусловлены
всем опытом прожитых лет.
Нам годы минувшие помнятся,
не так наша память слаба.
А все же смотрите, как полнятся
значением новым слова.

скрипка.
Шумные инструменты моего детства -
деревянные ложки,
бутылки,
а также гребенки,
обернутые папиросной бумагой -
это называлось тогда
шумовым оркестром
и были там свои гении и таланты,
извлекавшие из всего этого
звуки,
потрясавшие наши сердца.
Я играл на бутылках,
на деревянных ложках,
я был барабанщиком
в нашем отряде,
но откуда
это воспоминанье о скрипке,
это шершавое
ощущенье смычка,
это воспоминанье
о чем-то,
что не случилось?

Иные уходят в предание,
иные лишь стали верней.
Я в будущем вижу братание
не схожих по виду корней.
Надежными узами связаны,
сроднившись на все времена,
там пальмы рифмуются с вязами,
с планетой нашей — луна.
И больше не кажется странностью, —
то детям известно давно, —
что время рифмуется с радостью,
что людям созвучно добро.

* * *

Все уже круг друзей, тот узкий круг,
Где друг моих друзей мне тоже друг,
И брат моих друзей мне тоже брат,
И враг моих друзей мне враг стократ.

Все уже круг друзей, все уже круг
Знакомых лиц и дружественных рук,
Все шире круг потерь, все глуше зов
Ушедших и умолкших голосов.

Но все слышней с годами, все слышней
Невидимых разрывов полоса,
Но все трудней с годами, все трудней
Вычеркивать из книжки адреса,

Вычеркивать из книжки имена,
Вычеркивать, навечно забывать,
Вычеркивать из книжки времена,
Которым уже больше не бывать.

Вычеркивать, вести печальный счет,

Последний счет вести начистоту,
Как тот обратный, медленный отсчет,
Перед полетом в бездну, в пустоту,

Когда уже - прощайте насовсем,
Когда уже - спасибо, если есть.
Последний раз вычеркивая - семь,
Последний раз отбрасывая - шесть,

Последний раз отсчитывая - пять,
И до конца отсчитывая вспять -
Четыре, три - когда уже не вдруг
Нет никого, и разомкнется круг...

Распался круг, прощайте, круга нет.
Распался, ни упреков, ни обид.
Спокойное движение планет
По разобщенным эллипсам орбит.

И пустота. Ее зловецкий лик
Все так же ясен, строен и велик.

* * *

Дня не хватает, дни теперь все короче.
Долгие ночи, в окна горят огни.
А прежде нам все никак не хватало ночи.
А прежде - какие длинные были дни!
А прежде, я помню,
день бесконечно длился -
солнце палило, путь мой вдали пылился,
гром вдали погромоыхивал,
дождик лился,
пот с меня градом лился, я с ног валился,
падал в траву, как мертвый,
не шевелился,
а день не кончался, день продолжался,
длился -
день не кончался, длился и продолжался,
сон мой короткий явью перемежался,
я засыпал, в беспмятство погружался,
медленно самолет надо мной снижался,
он надо мной кружился,
он приближался,
а день не кончался, длился и
продолжался -
день продолжался, длился и не кончался,
я еще шел куда-то, куда-то мчался,
с кем-то встречался,
в чье-то окно стучался,
с кем-то всерьез и надолго я разлучался,
и засыпал,
и пол подо мной качался,
а день продолжался, длился и не кончался...

КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТ ДЛЯ СЕБЯ

Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку -
каждый выбирает для себя.
Каждый выбирает по себе
слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
каждый выбирает по себе.
Каждый выбирает по себе.
Щит и латы, посох и заплаты,
меру окончательной расплаты
каждый выбирает по себе.
Каждый выбирает для себя.
Выбираю тоже - как умею.
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает для себя.

Время, бесстрашный художник,
словно на белых страницах,
что-то всё пишет и пишет
на человеческих лицах.

Грифелем водит по коже.
Пёрышком тоненьким - тоже.
Острой иглою гравёра.
Точной рукою гримёра...

Таинство света и тени.
Стрелы, круги и квадраты.
Ранние наши потери,
поздние наши утраты.

Чёрточки нашего скотства.
Пятна родимые страха.
Бремя фамильного сходства
с богом и с горсточкой праха.

Скарედность наша и щедрость.
Суетность наша и тщетность.
Ханжество или гордыня.
Мужество и добродетель...

Вот человек разрисован
так, что ему уже больно.
Он уже просит:
- Довольно,
видишь, я весь разрисован!

Но его просьбы не слышит
правды взыскующий мастер.
Вот он отбросил фломастер,
тоненькой кисточкой пишет.

Взял уже пёрышко в руку -
пишет предсмертную муку.
Самый последний штришочек.
Малую чёрточку только...

Так нас от первого крика
и до последнего вздоха
пишет по-своему время
(эра, столетье, эпоха).

Пишет в условной манере
и как писали когда-то.
Как на квадратной фанере
пишется скорбная дата.

Отсветы. Отблески. Блики.
Пятна белил и гуаши.
Наши безгрешные лики.
Лица греховные наши...

Вот человек среди поля
пал, и глаза опустели.
Умер в домашней постели.
Вышел из вечного боя.

Он уже в поле не воин.
Двинуть рукою не волен.
Больше не скажет: - Довольно! -
Всё. Ему больше не больно.
1970

Давно ли покупали календарь,
а вот уже почти перелистали,
и вот уже на прежнем пьедестале
себе воздвигли новый календарь,
и он стоит, как новый государь,
чей норов до поры еще неведом,
и подданным пока не угадать,
дарует ли он мир и благодать,
а может быть, проявится не в этом.
Ах, государь мой,
новый календарь,
три сотни с половиной,
чуть поболее,
страниц надежды,
радости и боли,
спрессованная стопочка листков,
билетов именных и пропусков
на право беспрепятственного входа
под своды наступающего года,
где точно обозначены уже
часы восхода

и часы захода,
рожденья чей-то день,
и день ухода
туда,
где больше нет календарей,
и нет ни декаблей,
ни январей,
а все одно и то же время года.
Ах, государь мой,
новый календарь!
Что б ни было, пребуду благодарен
за каждый лист,
что будет мне подарен,
за каждый день такой-то и такой
из тех, что мне
бестрепетной рукой
отсчитаны и строго, и бесстрастно.
...И снова первый лист перевернуть -
как с берега высокого нырнуть
в холодное бегущее пространство.

Меж тем песок в моих часах песочных
просypался,
и надо мной был пуст
стеклянный купол,
там сверкали звезды,
и надо было выждать только миг,
покуда снова кто-то надо мной
перевернет песочные часы,
переместив два конуса стеклянных,
и снова слушать,
как течет песок,
непешное отсчитывая время.

Стихи Ю.Левитанского взяты из: Годы: Стихи. — М.: Советский писатель, 1987; Стихотворения – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005.

Рисунки: С.Дали, К.Петров-Водкин, А.Рязанова, А.Заварин, С.Владимиров, Ю Барминова, картинки из сети.

